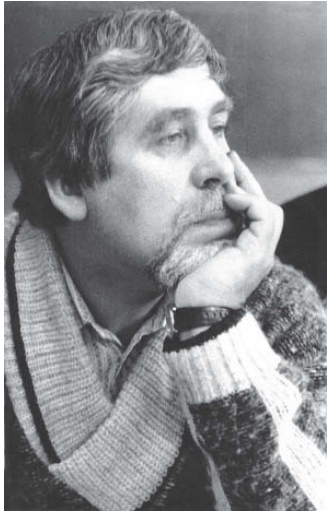

Владимир Скиф

Владимир Петрович Скиф – родился в 1945 году в посёлке Куйтун Иркутской области. Автор 27 книг, среди которых «Где русские смыслы сошлись» (2016), двухтомник «Древо с листьями имён» (Иркутск, 2017). Член Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России, награждён орденом «За службу России», Золотой Есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы», медалями М. В. Ломоносова, М. Ю. Лермонтова, В. М. Шукшина, адмирала Кузнецова, Георгия Жукова, Акинфия Демидова и другими. Победитель V Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо – 2008», поэтического конкурса «Неизбывный вертоград» им. Николая Тряпкина (2010). Лауреат международных премий им. П. П. Ершова (2009), «Имперская культура» им. Э. Ф. Володина (2014), «Югра» за перевод «Слова о полку Игореве» (2015), всероссийских литературных премий «Белуха» им. Г. Д. Гребениčkова (2013), им. Николая Клюева (2014), премии издательского дома «Российский писатель» (2014, 2016), премии журнала

«Наш современник» (2015), конкурса одного стихотворения «Донбасс, Донбасс, земля моя, ты весь горишь в огне» в Петербурге за стихотворение «Бескрылый ангел» (2016), конкурса им. Николая Денисова (2017). Трижды лауреат Губернаторской премии Иркутской области (2010, 2011, 2015). Печатался в Америке, Аргентине, Канаде. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский языки.

ИВАН МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ

Среди известных литературных имён Сибири имя Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского несомненно занимает одно из выдающихся мест. Ещё в начале прошлого века он формировал и создавал писательскую гвардию Иркутска, а затем возглавлял её долгие годы. Как поэт, Иван Иванович Молчанов-Сибирский оставил большое, ещё не до конца опубликованное и изученное литературное наследие – стихи и поэмы, публицистику, детские стихи и рассказы, дневники и записные книжки. Он вёл большую общественную работу, искал и воспитывал юные и молодые таланты и оставался таким до конца своих дней.

В 1985 году Георгий Марков, лауреат Государственных и Ленинской премий, первый секретарь Союза писателей СССР, бывший иркутянин, вспоминал об И. И. Молчанове-Сибирском: *«У него был редкостный талант находить людям полезное дело, вовлекать их в общественную жизнь. Он был неустойчивым на добрые выдумки, которые порой превращались в радостные события для многих... вспомните знаменитую “Базу курносых”».*

А вот воспоминания другого писателя, тоже иркутянина: *«Исключительно душевное расположение к людям, благожелательность, внимание к заботам близких и малознакомых, соединённые с ярким и оптимистическим настроением...*

...Писательской организации мы не можем представить без Ивана Ивановича потому, что он выпестовал эту организацию, был многолетним и почти бессменным её руководителем, взвалив на плечи своё нелёгкое дело воспитания литературной смены. <...> И если в Иркутске на долгие годы создался особый микроклимат в литературной среде, то начало его идёт от “дяди Вани” Молчанова-Сибирского».

Так писал о Молчанове-Сибирском поэт Марк Сергеев – один из его прилежных учеников. А что до «дяди Вани», то так дружески, доверительно и с большой любовью называли его «курносые», пионеры-школьники иркутской школы № 6, которые под его руководством написали книгу «База курносых», а затем нередко – его друзья и коллеги. Даже Алексей Максимович Горький, подписывая

Молчанову-Сибирскому свою книгу на Первом съезде советских писателей в 1934 году, оставил на ней полушутливую, полусерьёзную дарственную надпись: *«Дяде Ване Молчанову-Сибирскому. Хорошее дело делаете, дядя»*. И позже, когда Горький переписывался с иркутскими школьниками и давал им совет относительно написания новой книги: *«Я предлагаю вам: когда дядя Ваня прочитает весь материал, пошлите рукописи ко мне, я бы тоже посмотрел...»*

Иван Иванович Молчанов-Сибирский родился 1 мая 1903 года во Владивостоке в семье военного моряка, баталёра героической канонерской лодки «Кореец». Помните песню «Гибель Варяга» на стихи Якова Репнинского: *Мы пред врагом не спустили // Славный Андреевский флаг. // Сами взорвали «Корейца», // Нами потоплен «Варяг»*.

Начало жизни Ивана Ивановича прочно связано с военно-морской славой Иркутска. Именно Иркутск стал форпостом зарождения и развития Тихоокеанского флота. снаряжение петровских экспедиций – Беринга и других, Российско-Американская компания, открытие и присоединение к России Алеутских островов, Аляски, первое посольство в Японии, первая навигацкая школа, первое Адмиралтейство, проект реформ российского флота, разработанный иркутским губернатором Корниловым (отцом знаменитого адмирала Корнилова, героя Севастополя). Так что маленький Ваня Молчанов появился на свет в морской колыбели восточной российской окраины, которая за три века была создана в основном силами иркутян. Не случайно его отец – Молчанов Иван Николаевич – на морскую службу был призван из Иркутска.

В 1905 году Молчановы вернулись в Иркутск, и вся последующая жизнь и судьба И. И. Молчанова-Сибирского связана только с Иркутском. В семнадцать лет Иван Молчанов работает помощником слесаря в иркутском железнодорожном депо, учится в железнодорожном техникуме. Работая в депо, он оканчивает курсы рабкоров, сотрудничает в газетах, вступает в комсомол. В те годы на железной дороге работали будущие писатели: Павел Нилин – в котельной, Костя Золотовский и Михаил Скуратов – в депо. Здесь, среди рабочей молодёжи, в комсомольской среде и зазвучал голос молодого поэта Ивана Молчанова.

В 1923 году в Иркутске возникает Иркутское литературно-художественное объединение (ИЛХО) – первая в Сибири писательская организация. И это опять же не случайно. В Сибири только Иркутск имеет в историческом арсенале почти десяток летописей, отражающих историю города и края. В Иркутске появилась первая публичная библиотека. В Иркутске написан первый сибирский роман «Дочь купца Жолобова» Ивана Калашникова. В Иркутске родилась первая в Сибири женщина-писатель – Авдеева-Полевая, здесь же написан первый советский роман – «Два мира» Владимира Зазубрина.

Михаил Скуратов, поэт, чалдон и сибиряк, жил в Москве, но не забывал своей родины. Его душевная приязнь к другу юности сквозит в строках воспоминаний: *«Иван Молчанов-Сибирский! Мой друг и побратим по писательскому ремеслу. Мы оба с ним служили одному делу – русскому поэтическому Слову, русской советской Поэзии... Мы с ним оба возрастали в былом Глазковском предместье Иркутска, и даже сражались в мальчишеских уличных драках, – когда улица шла на улицу. И уже в ту пору мы с ним оба стали «илховцами» – и вошли в пятёрку-шестёрку юных тогда поэтов... Напомню и перечислю имена: Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, Иван Молчанов, Валерий Друзин, Василий Томский (Скрылев) и аз многогрешный – тогда выступавший под псевдонимом – Михаил Бельский...»*

Первые стихи Молчанова-поэта посвящены родному городу, родному краю, родному Глазковскому предместью: *Гора, за ней опять гора // Сплотили тесно плечи, // И мчитя, стонет Ангара, // Совсем по-человечьи. // И каждый день, и каждый год // Упрямо камни гложет. // И синих вод упрямый ход // Скала сдержат не может.*

В 1932 году выходит первый сборник стихов И. И. Молчанова-Сибирского «Покорённый Согдиондон», где автор рисует широкий образ пробуждающейся Сибири и чувствует себя её верным сыном: *В тайге глухой гонец Согдиондон // Вонзился в небо голою вершиной. // Его изрезали со всех сторон // Глубокие и резкие морщины. // Он сед, он стар. Давным-давно оглох. // Крутые скалы топором не бриты, // Как борода косматый белый мох, // И склоны пихтою обвиты. // Стихи поэта отражают эту сыновнюю любовь: // Милый край... Тишина... Тишина. // Милый край, где привольно и дико, // Под ногами бадан ибрусника, // Милый край молодого вина.*

Первая книга Ивана Молчанова стала добротной заявкой на творческое будущее: *Догорел осенний вечер, // Укатилось солнце прочь. // Даже собственные плечи // Не видать в такую ночь.*

Иван Молчанов входил в сибирскую литературу вместе со своими друзьями-одногодками – Иосифом Уткиным, Михаилом Скуратовым, Львом Черноморцевым, Валерием Друзиным, Анатолием

Ольхоном, Гавриилом Кунгуровым – и чуть ли не все они одного, 1903 года рождения. А ещё его литературные сверстники и друзья: Иннокентий Луговской, Павел Маляревский, Джек Алтаузен, Елена Жилкина, Константин Седых, Василий Непомнящих. С писателями старшего поколения у молодого Молчанова также дружеские отношения с Аполлоном Тороевым, Исааком Гольдбергом, Александром Балиным и особенно с Петром Поликарповичем Петровым.

В 1933 году Иван Молчанов ведёт литературный кружок в иркутской школе-интернате № 6. Он знакомит детей с русской и советской литературой, преподаёт им азы журналистики и публицистики, и, под впечатлением литературных познаний и рассказов наставника, они пишут первую в советской России коллективную книгу о времени и о себе «База курносых».

Юные иркутяне и не знали, что продолжили давнюю традицию, начатую ещё в 1835 году, когда иркутские гимназисты из собственных сочинений составили книгу «Прозаические сочинения учащихся иркутской гимназии» и их наставник, преподаватель изящной словесности Поликсентьев сумел издать её в Петербурге. В книге ребята описывали берега и воды чистой Ангары, затенённую и поэтичную речушку Каю, сверкающую и гремящую на камнях Ушаковку и, конечно, легендарный Иркут, приносящий к Ангаре отражение и прохладу Саян.

«База курносых» прогремела на всю страну, и руководство Иркутска наградило ребят поездкой в Москву. Иван Иванович получил в это же время приглашение на Первый съезд советских писателей – и в Москву поехали все вместе. Уже в дороге дети прочитали в «Известиях» отзыв Алексея Максимовича Горького об их книге и приглашении на I съезд советских писателей. После съезда ребята вместе с Иваном Ивановичем побывали в гостях у Горького в Горках, где он пожелал им творческих удач. Вернувшись, дети решили писать книгу о том, как ездили в столицу, как гостили у главного писателя страны. И конечно, вместе с ними работал и помогал им их любимый дядя Ваня.

И это не единственный пример творческого общения Ивана Ивановича со школьниками и молодёжью тех лет. Вот строки письма одной из многочисленных поклонниц творчества Молчанова-Сибирского Лины Белковой: *«Кажется, давно ли это было, когда в Красноярском техникуме путей сообщения, будучи пионеркой, я слушала его горячие выступления на комсомольском собрании. Как потом, в Иркутске, в бывшем Глазковском предместье, мы – комсомольцы – слушали его чудесные стихи. Память о нашем сибирском поэте всегда будет жить в сердце советского человека. Его жизнь достойна подражания, и я горжусь, что в молодые годы мне довелось слушать Ваню Молчанова. Его пламенные речи и стихи многим дали направление в жизни. Я была в числе этих многих.*

Лина Белкова (из многочисленной семьи Яковлевых), г. Ленинград.

А вот строки известного журналиста, ученика и друга Ивана Ивановича, соратника по работе в газетах военного времени, собственного корреспондента ТАСС в Иркутске Александра Иовича Гайдая, поэта, написавшего две книги стихов.

Леонид и Александр Гайдаи, как и Молчанов, – глазковчане. Все они ходили по одним улицам, в одни годы, жили по соседству, и их творческий потенциал взрастал и питался соками одной и той же земли – в сосновых и берёзовых рощах над Иркутом, Ангарой и Каей. Здесь рождались не только поэтические образы у Ивана Молчанова и у Александра Гайдая, здесь обозначались и переходили в потенциал творческой реальности реплики, ситуации и эскизные черты будущих героев всемирно известных комедий Леонида Гайдая «Операция «Ы!», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука».

Из воспоминаний Александра Гайдая:

«...Конечно, писательский труд – дело сугубо индивидуальное, и своими успехами, художественными открытиями авторы обязаны прежде всего самим себе, своему дарованию, но немаловажное значение имеет и та обстановка, то окружение, в котором работает литератор. Атмосфера доброжелательности, товарищеской поддержки и одновременно строгой взыскательности, какая сложилась в Иркутской писательской организации в пору работы на посту ответственного секретаря И. Молчанова-Сибирского, помогла выявить и вырастить новые таланты, способствовала росту творческой активности и молодых, и уже сложившихся опытных литераторов».

Александр Гайдай подружился с Иваном Молчановым и никогда не терял связи с ним и его семьёй, даже тогда, когда Ивана Ивановича уже не было в живых.

В тридцатые годы у Молчанова-Сибирского выходят сборники: «Стихи», «Синие Саяны», «Граница на Востоке», а также книжки для самых юных читателей: «Милая картошка», «Лисёнок Тумай», «Лыжняята» с иллюстрациями иркутских художников. Голос поэта крепнет, набирает силу и звучит

чище, образнее, ярче. Имя его обретает не только региональную, но и всесоюзную известность, и это видно из писем со штемпелями Москвы, Ленинграда, Владивостока, Хабаровска, Якутска, Красноярска, Новосибирска.

Поэту пишут, к нему обращаются писатели, известные всей стране, – Александр Серафимович, Эдуард Багрицкий, Владимир Зазубрин, Самуил Маршак, Илья Сельвинский, Ефим Пермитин, Борис Полевой. Кроме просто дружеских и приветственных слов – это ещё и рецензии, и отзывы на его творчество, и многочисленные просьбы.

«Уважаемый тов. Молчанов! Ваши стихотворения “31-н” и др. производят впечатление: звучны, литературны. Вы будете расти. Стихи передал тов. Полетаеву в “Октябрь”. Он читает стихи. С приветом Александр Серафимович. 16.V.28».

«Внутренняя лиричность резко отделяет Молчанова от поэтов, у которых, кроме штампа, нет ничего. Сибирская экзотика для Молчанова не только эстетическое украшение, она также быт, она страна, которую нужно освоить. Он знает прошлое этой страны, он с ней в настоящем, он явственно видит её будущее. Эдуард Багрицкий. Москва. 1930 год».

«В песнях Ив. Молчанова-Сибирского есть и разлив, и язык, они увлекают и полны теми приятными неожиданностями, которые являются первыми признаками поэтического дарования. В них автор весь в обаянии своей темы – он поёт и не думает о том, чтобы это было похоже на то, как принято в “хороших домах”. Илья Сельвинский. 15.IX.1937 г.».

В 30–50-е годы XX столетия Иван Иванович был в глазах современников светлой, неординарной личностью, известным поэтом, которого знали и читали не только в Иркутске и в Сибири, но по всей стране, совершающей прорыв ко всеобщей грамотности, к знаниям, издающей самые большие в мире тиражи книг. Можно сказать, что Ивану Ивановичу Молчанову-Сибирскому повезло не только с верными друзьями, среди которых были писатели, офицеры, рабочие, пионеры, ему повезло и с необычайно широкой, отзывчивой и чуткой читательской аудиторией, которая признала и любила его. Но аудитория одна на всех, а потому главное, в чём ему повезло, – это с родиной Сибирью, восторгаться которой и воспевать которую он никогда не уставал. Названия его стихов говорят сами за себя: «Весна на Байкале», «Золотоносная тропа», «Костёр», «У таёжного ключа», «Избушка на Ичене», «Озерцо», «На берегу», «Затёсы», «Голубой дым», «Мунку-Сардык», «Безымянный ручей», «Подбрось в костёр немного веток», «Хорошо на Байкале вечером».

И не менее важным, чем родина в судьбе, стало то, что не обнесла та же судьба Ивана Ивановича до краёв наполненной, светлой чашей личной жизни – на протяжении всего жизненного пути, полного трудов и забот, был он счастлив с женой Викторией Станиславовной Молчановой, в девичестве Прушинской, и с детьми, которых в семье было шестеро. Да, он был востребован временем, уважаем коллегами по литературному цеху, которым помогал и сумел взрастить целую плеяду известных и даже выдающихся писателей. А ещё был он осиян немеркнущим светом родной, любимой и любящей души, согрет её теплом и заботой.

Не только литературой и работой с молодёжью и школьниками был занят поэт. В довоенные годы И. И. Молчанов-Сибирский несколько раз призывался в армию, где также была высока потребность в правдивом и честном слове, в подбадривающем и поддерживающем оптимизме, в устойчивой вере в общее дело, в правоте идей и устремлений целого народа. А что может быть нужнее и справедливее защиты своей земли, своего отечества? И его отправляли то на командирские сборы, то на тревожные рубежи, где вела сложную провокационную игру японская военщина, не желающая смириться с результатами давно отгремевшей гражданской войны, с господством России на Курилах, на Сахалине и на Камчатке. Ну и само собой, годы, когда гремела Великая Отечественная и у восточных границ стояла огромная Квантунская армия. Здесь, в полевой и часто боевой обстановке, росло и крепчало уже не литературное, а военное мужество и братство сильных и испытанных в боях людей.

Небезынтересно в этом смысле письмо генерал-лейтенанта в отставке Анатолия Александровича Никифорова, присланное 23 февраля 1965 года из Москвы в Иркутск: *«В 1934 г. командный состав запаса погранвойск в полевых условиях проходил переподготовку в 1-й пограничной школе (г. Новый Петергоф). На переподготовку был направлен и поэт Иван Иванович Молчанов-Сибирский. Я в это время командовал курсом переподготовки и не могу не вспомнить этого высокого, стройного и подтянутого, с большой белокурой шевелюрой и выразительными добродушными глазами, человека. Иван Молчанов был всегда примером на курсе, как при обучении, так и в повседневной лагерной жизни. Он был не только редактором стенной газеты, не только интеллектуальным кладом подразде-*

ления, но и активным спортсменом, организатором серьёзных диспутов и участником многочисленных дружеских бесед. Вспомнив его, я раскрыл пожелтевшие от времени страницы с написанными им и подаренными мне на память стихами (по-видимому, нигде не опубликованными и мало кому известными) о тех днях, которые мы вместе проводили в напряжённой учёбе в лагере “Приморский хутор”. 1 июля 1934 года, на 45-й день сборов, мы решили организовать прощальный вечер...

Когда выступала наша самодеятельность, я получил “боевое донесение” на листках, вырванных из полевой книжки, предназначенной для таких донесений: “Кому: т. Никифорову А. А. Лагерь: Новый Петергоф. Время: 11.00. 1.VII.1934 г. Донесение № «Прощальный вечер»:

Окончены речи, играет туш.
Товарищи, слушайте друга!
И вот запекает смущённый Вануш
Про солнце далёкого юга.

Стремительным шквалом ворвался оркестр,
По сцене поплыл Карахалин,
Танцует Шамиль, а природа окрест,
Как будто у нас на Байкале.

И тут же является солнце из туч
Над сумрачным Финским заливом,
Умытый дождинками солнечный луч
Искрится цветным переливом.

Быстрей и быстрей, как полёт колеса,
Стремителен танец кавказский.
Вот так бы и мне искромётно плясать,
Да нормы не сдал я по пляске.

И песне навстречу – другая встаёт,
Высокая песнь Закавказья.
Сегодня для нас эту песню поёт
Наш друг Тадеоз Сагарадзе.

Товарищ Шумаев, есть просьба к тебе,
Зови на подмогу флейтиста,
Чтоб грянул свой марш о любви и борьбе
Наш хор и наш тенор Денисов.

Подхвачена вмиг голосами друзей,
Под облако песня взовьётся,
И в песне волнуется горный ручей,
Лоза виноградная вьётся.

Мы с маршем победным пройдем до конца
Единым не дрогнувшим строем
Под грохот снарядов и посвист свинца...
Да будет здесь каждый героем!”

Прочитав это “донесение”, я не удержался, чтобы тут же не огласить его всем присутствующим на вечере. Долгие, не смолкающие аплодисменты закончились возгласами “Качать Молчанова!” Это было достойной наградой за его тёплые, проникновенные слова о своих товарищах и за тот призыв, который прозвучал в концовке стихотворения. Время было, действительно, героическое, и многие из нас в будущей войне с фашистами стали настоящими героями своего времени. Его стихи светло и правдиво показывают ту обстановку, ту удивительную дружескую атмосферу, которая окружала нас, молодых командиров. А “Песня командиров запаса” стала нашим гимном. С ней мы направлялись в походы, на охрану государственной границы, с ней мы возвращались в наш учебный лагерь. Память о поэте Иване Молчанове-Сибирском сохранится у пограничников на долгие годы, и хотелось бы, чтобы земляки-иркутяне знали его не только как поэта, но и как воина в зелёной пограничной фуражке. Генерал-лейтенант в отставке А. Никифоров».

А вот воспоминания Анатолия Срывцева, которые относятся к тем же далёким, довоенным годам («Свидание». Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1972): «Однажды небольшая группа литераторов Иркутска решила выехать в летние лагеря, где проходил тогда военные сборы командир запаса поэт Иван Молчанов-Сибирский. Из темноты, качаясь, плывёт на нас желтоватый пучок света. Он то исчезает, то, внезапно приближаясь, ярко вспыхивает, выхватывая из сумрака станционные постройки, крышу низкого сарайчика, пёстрый киоск. Обогнув вокзал, свет гаснет, скрипят колёса по гравию. И звонкий голос прорезает тишину ночи: – Товарищи писатели здесь? Потом пучок света несётся впереди нас, освещая мачтовые сосны, белую дорогу, и, наконец, упирается в деревянный забор, полосатую будку и часового с винтовкой. Выходим из машины, минуем часового и идём по мягкой дорожке. – Здравия желаю, товарищи писатели! – раздаётся громкий, с лёгким перекатом командирский голос, но в нём почему-то слышатся знакомые шуточные нотки. – Это же Ваня! – кричит Константин Седых, встряхивая густыми кудрями. Мы со всех сторон окружаем подтянутого, широкоплечего командира в лихо надвинутой на брови пилотке. Ольхон берёт в руки планшет, проводит пальцами по новеньким скрипучим ремням, которые крест-накрест перехватывают грудь Молчанова, и протяжно тянет: – Вот это да-а! – и в комическом удивлении: – Товарищи

старший политрук, неужто мы с вами цапались две недели назад на литературной пятнице?.. Непостижимо... – все хохочут».

В 30-е годы в Иркутск приехали Агния Кузнецова и Георгий Марков. Однажды Марков принёс Молчанову объёмистую рукопись и попросил посмотреть. Иван Иванович начал читать и не смог оторваться от рукописи, читал всю ночь. Наутро он, усталый, но с какой-то спокойной уверенной радостью сказал жене: «Витя! Ты знаешь, Готя написал выдающийся роман! Его надо срочно издавать!» Так, первым читателем и редактором книги Георгия Маркова «Строговы» стал Иван Иванович. Об этом с теплотой пишет и сам Георгий Мокеевич в своих воспоминаниях.

«Политработнику запаса, аттестованному в звании старшего политрука, И. И. Молчанову-Сибирскому довелось служить в Советской Армии во время боёв у озера Хасан в 1938 году и событий на реке Халхин-Гол в 1939 году. <...> Приобщение к воинской службе, знакомство с армейским бытом, доверительная дружба с бойцами и командирами не могли не отразиться на его творчестве», – напишет в 1983 году Александр Гайдай.

Уходить мне на работу надо,
У дверей из стульев баррикада,
А за нею дочка – пальчиком грозя,
Говорит мне ласково: – Нельзя!
Медленно идут переговоры,
Я иду, и смотрит дочь с укором.
Я иду и слышу позади:
– Не ходи!

Солнце плыло в пелене тумана.
Уходить собрался нынче рано.
Бушевала ненависть во мне:
Я услышал вести о войне.
И спросил я: – Доченька, отрада,
Я пойду на фронт? Сказала: – Надо!
Потедело у меня в груди...
Помолчав, добавила: – Иди.

Прототипом этой маленькой и такой серьёзной девочки, несомненно, явилась Света, Светлана Ивановна, дочь поэта и будущая жена великого русского писателя Валентина Распутина.

Период службы в Монголии – бесконечные дороги, заставы, бои с японцами и подкупающе мирные картины тревожного времени – всё видит, всё отмечает поэт:

Трубила труба: по вагонам!
Трубе отвечал паровоз.
И травы шатались по склонам,
И ветер летел от колёс.
На горных лиловых отрогах
Маячил далёкий дымок.

Пред нами лежала дорога
На Дальний советский Восток...
И песня гремит по вагонам,
Синеет небес глубина,
И ждёт нас в конце перегона
Суровое дело – война.

А война никогда не заставит себя ждать:

Мы вспоминали, как играют дочери,
И задремали беспокойным сном...
Вдруг в тишине хлестнула очередь
Ручного пулемёта за бугром.
Чертили небо молнии зигзагами
И в горы ударяли вкривь и вкось.

Враги бежали в панике оврагами –
Нет, нападение их не удалось.
Ещё хлестала по бегущим очередь
И гром глушил врага последний крик...
И, может быть, в кроватках наши дочери
Во сне отцов увидели в тот миг.

А вот и мир посредине войны – его всегда больше, и он понятен каждому.

Подходит к Керулену караван,
К просторным дымным юртам Ундурхана.
Как путники, покинув океан,
Ещё несут дыханье океана,
Так караван доносит зной пустынь,

А в бурдюках – остатки терпкой влаги.
В осенний холод ворвалась теплынь.
Верблюды медленно вступают в лагерь,
Несёт старик-погонщик от майхана
Бойцам в подарок тучного барана.

Стихи Молчанова-Сибирского тех лет – это вообще редкое в нашей литературе широкое полотно предвоенной дальневосточной грозы: бои у озера Хасан, бои у Халхин-Гола, где фактически рождалась и закалялась в боях та армия, которая потом, в сорок первом, пережив первые разгромы, выстояв и набрав силы, неудержимо двинулась на запад, чуть ли не до Ла-Манша.

Подарочное издание «Бои Халхин-Гола» (Москва: Воениздат, 1940) и в обойме имён, кто готовил это издание: Герой Советского Союза, генерал армии Георгий Жуков, генеральный секретарь СП

СССР Владимир Ставский, писатели Константин Симонов, Евгений Петров, Всеволод Вишневский и другие – стоит скромное имя молодого офицера Ивана Молчанова, выступившего в этом издании с очерком «Экипаж Михаила Рыбкина».

Уже в 1942 году и позже, после всех сражений в Отечественную, в 1948 году, выйдут книги Молчанова-Сибирского, обращённые к тем дням и годам: «Полевая почта» (Иркутск, 1942) и «Мои товарищи» (Иркутск, 1948), из которых всегда будут доноситься до нас знойное дыхание монгольских степей, пулемётные очереди, артиллерийские канонады и грохот танковых гусениц. «Застава», «Городок», «Пограничный пост», «Ночная схватка», «Посылка», «В секрете», «Дружба», «Перед сраженьем», «Русская гармошка на Хингане», «О чём ты думаешь, солдат?..» и десятки других стихотворений – это не просто поэтические циклы о войне, это летопись сражений, живые страницы нашей истории, близкой и вечно живой.

Когда была объявлена война 1941 года, иркутские писатели во главе со своим секретарём Иваном Молчановым-Сибирским опубликовали в газете обращение и объявили себя полностью мобилизованными для фронта. Писатели высказали просьбу Политуправлению ЗаБВО направить их в действующую армию, на запад, но их направляют на восток – здесь у наших границ стоит, и будет стоять до своего полного разгрома в 1945 году, огромная Квантунская армия – миллион прекрасно вооружённых и обученных солдат и офицеров Японии.

Десятки очерков и рассказов посылает в редакции военных газет военкор Молчанов-Сибирский. Вместе со своим давним другом, а теперь и фронтовым побратимом, с которым они, случается, делят поровну последнюю походную картофелину или последний глоток воды, с Георгием Марковым, пишут они и подписывают двумя фамилиями многие корреспонденции. «Герои первых боёв», «Встречи. Из дневника писателей», «Город полотняный», «На переправе», «Семнадцать против двухсот», «Дух традиций» – везде их имена «Иван Молчанов, Георгий Марков» стоят рядом.

И конечно, строками множества стихов освещает поэт и этот период жизни. Из воспоминаний Игоря Дружинина, писателя и фронтового товарища Ивана Ивановича: *«У него были удивительные глаза. Можно было и не спрашивать, удались стихи или нет... Сам искренний и правдивый во всём, он требовал от поэзии правды и откровенности...»*

...Вдали от Родины, за Хинганом, в маленьком маньчжурском городке мы встретили День Победы над империалистической Японией. Мы вместе ездили в часть – писать очерк о победителях. Редакционный фотограф запечатлел нас у машины: с пожелтевшего уже снимка молодо смеётся счастливый, влюблённый в жизнь человек. Иным я его и не представляю».

Через долгие дни и тяжкие годы приходит светлый и ослепительный День Победы. Майор И. И. Молчанов-Сибирский с орденом Красной Звезды, монгольским орденом, с медалью «За победу над Японией» заканчивает, и уже навсегда, свою военную страду. И разве можно не отметить эту победу стихами? И поэт пишет стихи, своеобразные, с отображением в них своей жизни, в память отца и во славу всех, кто сражался за Россию.

Мы так любили в детстве слушать
Рассказ отца про Порт-Артур!
Пред нами возникала суша,
Форты, глазницы амбразур.
Для нас бессмертною былинной
Вставали дни тревог и гроз –
Сраженье на Перепелиной
И Электрический утёс.
Мы в бескозырках из бумаги
С любимой песнею «Варяг»
Сражались яростно в овраге
В пылу мальчишеских атак.

Прошли года. Забыты игры,
Но песни старые звучат.
На западе пылают «Тигры»
От метких выстрелов внучат:
Потомки моряков «Варяга»
Врагу не сдали Сталинград.
Крепка старинная отвага,
Умноженная во сто крат...
Вновь Порт-Артур... Уже над фортом
Родные флаги зацвели.
Подходят к старым пирсам гордо
Моей державы корабли.

Военкор и поэт майор Молчанов-Сибирский печатал в редакциях военных газет «Героическая красноармейская», «На боевом посту», «Советский боец» рассказы и очерки не только о бойцах и офицерах, он, как наставник, хорошо поработавший в культуре, посвящал свои статьи и выступления не только войне, но и русской литературе. Это позволяли ему его познания в литературе, в истории, его эрудиция и бесконечная работоспособность.

Им написаны статьи о М. Горьком (1943), Е. А. Баратынском (1944), А. С. Грибоедове (1945), Салтыкове-Щедрине (1946), о романе Фадеева «Молодая гвардия» (1946).

Статья, написанная к 150-летию со дня рождения А. С. Грибоедова, – газета «Героическая красноармейская», № 12 от 14 января 1945 г.: «Как воин на посту погиб знаменитый русский писатель и пламенный патриот Александр Сергеевич Грибоедов. В расцвете сил и талантов прервалась его кипучая жизнь, озарённая горячей любовью к своему народу и к великой Родине.

...По образному выражению Гончарова, читающая публика “развела всю соль и мудрость пьесы в разговорной речи, точно обратила миллион в гривенники”... Многие стихи превратились в пословицы и поговорки, обогащая русский язык».

Но вот и для Молчанова и его друзей закончилась война. Теперь домой, домой, к мирному труду, к родному городу, где друзья, библиотеки, жена и дети и всё-всё, за что сражались и не дожили многие фронтовые товарищи.

В походной, пробитой ветрами шинели
Солдат возвращался с победой домой.
Он ехал, и сёла навстречу летели.
Мгновенье... покажется город родной.
Иркутск возникает уже из тумана,
Возлюбленный с детства, окрепший в борьбе.

Солдат прошептал: – С перевалов Хингана
я видел тебя, возвращаюсь к тебе.
Всё – ново, всё – радость влюблённому взору:
Заводы и мост, заменивший понтон.
Поднялся солдат на Весёлую гору
И городу отдал глубокий поклон.

Очерки о писателях, о русских поэтах-патриотах он создаёт и в мирное время. Иван Молчанов-Сибирский пишет статью о Михаиле Исаковском «Всегда с народом» (газета «Советский боец», 1949 г.).

И наконец, Пушкин. «Наш Пушкин» – газета «Советский боец», № 131 от 5 июня 1949 г. Очерк посвящён 150-летию со дня рождения великого русского поэта, который, как и вся русская поэзия, сражался с врагами на всех фронтах – многие бойцы и командиры возили с собой в карманах шинелей и в рюкзаках томики Пушкина.

Патриотизм, как одну из составляющих черт русского характера, присущую и ему самому, прежде всего замечал Молчанов-Сибирский у других и подчёркивал эту национальную особенность как у воинов, так и у литераторов, о которых писал. Его чувства и мысли, его рассуждения о русском патриотизме актуальны и сегодня. Хотя многие стихи и очерки военных лет написаны Иваном Ивановичем за пределами России, в них поэт остаётся верным сыном Отчизны. И мы видим и слышим, как острота разлуки с Родиной дала Молчанову новый импульс, творческий взлёт. Это не требует доказательств, надо только прочитать произведения из его фронтовых тетрадей 1941–1946 годов, где предстают и война, и несладкие годы на чужбине, и природа, к которой поэт тяготел всем своим существом, пусть то были Маньчжурия или Россия, Хинган или Мунку-Сардык, озеро Байкал или река Керулен. И конечно же, родное Глазковское предместье: *Оно не такое теперь, как бывало: // Уже забралось на вершину горы. // Трамваи по рельсам бегут от вокзала // И смотрят в зелёную синь Ангары. // Здесь памятно всё: каждый дом, каждый мостик // И каждая тропка в сосновом бору, // Где часто буйнит низовка от злости // И листья с бессмертьем вступают в игру.*

В послевоенные мирные годы Иван Иванович много пишет о родной природе, о строительстве ГЭС на Ангаре, о новом освоении края, и всё это проходит через его чуткое, доброе и отзывчивое сердце поэта. В его большом поэтическом наследии сохранилось много неизвестных, неопубликованных стихов, датированных сороковыми и даже двадцатыми годами. Этот, не освоенный издателями и литературоведами, осенённый светлым вдохновением, творческий пласт поэта Ивана Молчанова-Сибирского ещё на пути к читателю. Поэты – всегда пророки. Такой взгляд в будущее есть и в стихах Молчанова-Сибирского: *Увлечённый прибоем рокотом, // Я безмолвно лежу на песке, // Бурь прошедших овеванный грохотом, // Ожидая грядущих в тоске.*

Как будто поэт чувствовал в минуты прозрения, что случится с нами в будущем. Иван Иванович Молчанов-Сибирский был не только публицистом, поэтом, прозаиком, он являлся и внимательным, влюблённым в литературу читателем, тактичным, неподкупным редактором, прирождённым педагогом, а ещё и бессменным, с 25-летним стажем, руководителем Иркутской писательской организации. И это в самые грозные и воистину трагические годы жизни страны. Молчанов редактировал, наставлял на творческий путь, благословлял и прочил высокую писательскую судьбу многим сибирским литераторам. Ему доверяли первое знакомство со своими рукописями Георгий Марков, Константин

Седых, Василий Баябин, Франц Таурин, Михаил Скуратов, Борис Костюковский, Гавриил Кунгуров, Владимир Козловский, Александр Гайдай, Николай Печерский, Василий Непомнящих, Леонид Огневский, Иннокентий Луговской, Вячеслав Тычинин, Юрий Левитанский, Марк Сергеев, Анатолий Шастин, Юрий Самсонов, Пётр Реутский, Леонид Кокоулин, Анатолий Преловский, Виктор Киселёв, Алексей Самсония, Игнатий Дворецкий – имена, широко известные в стране. В его писательском архиве хранится огромное количество писем и телеграмм от российских литераторов со всех концов страны: Александра Твардовского, Бориса Полевого, Александра Яшина, Льва Стекольникова, Александра Смердова, Сергея Сартакова, Николая Яновского, Ефима Пермитина, от приморского писателя Георгия Халилецкого, новосибирской поэтессы Елизаветы Стюарт, молодого, безвременно ушедшего иркутского поэта Ивана Харабарова.

Молчанов-Сибирский встречался, общался и вёл переписку, и ему дарили свои книги Максим Горький и Александр Яшин, Марк Лисянский и Николай Рыленков, Лев Кассиль и Василий Ажаев, Сергей Сартаков и Павел Нилин, Афанасий Коптелов и Николай Задорнов.

О нём вспоминали и писали на страницах своих произведений, в статьях и очерках, посвящённых его творчеству, Максим Горький, Георгий Марков, Иннокентий Луговской, Михаил Скуратов, Анатолий Ольхон, Гавриил Кунгуров, Анатолий Срывцев, Василий Трушкин, Марк Лисянский, Василий Лебедев-Кумач, Александр Гайдай, Леонид Огневский, Игорь Дружинин, Пётр Боровский, Леонид Кокоулин, Владимир Козловский, Марк Сергеев, Анатолий Преловский, Елена Жилкина, Пётр Реутский, Ростислав Смирнов, Виктор Киселёв, Анатолий Шастин, Виктор Конев, Иван Козлов и многие-многие другие.

Иван Иванович Молчанов-Сибирский, человек потрясающей порядочности, необыкновенной сердечной чуткости по отношению не только к своим братьям-писателям, но и к совершенно незнакомым людям, бескорыстный и удивительно тактичный даже в мелочах, оставил глубокий след в памяти своих современников. Его книги выходили огромными тиражами в 30, 50, 100 и даже 110 тысяч экземпляров, это по нынешним меркам были фантастические тиражи. «Молчановские» книжки были в каждой школьной и сельской библиотеках, поскольку выходили в свет не только в Иркутске, но и в Москве: «Лисёнок Тумай» (1934), «Таёжница» (1954). В Чите: «Костёр» (1949), «Стихи для маленьких» (1954). В Красноярске: «Зорька» (1951), «Живой уголок» (1953). В Хабаровске: «Таёжная тропинка» (1953). В Чебоксарах: «Иринка» (1959). В Новосибирске: «Здравствуй, лагерь!» (1951), «В школе и дома» (1954), «Иринка» (1961).

Елена Викторовна Жилкина всегда говорила о неподдельном чувстве в лирике Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского: *«Иван Молчанов нашёл родник той настоящей поэзии, который никогда не иссякнет и будет питать сердце человека, сколько бы он ни прожил на свете. Горячей силой жизни продиктованы стихи Молчанова, обращённые к нам, его современникам»*. Елена Викторовна с живою радостью любила повторять строфу из стихотворения Молчанова-Сибирского «Ветка кедра»: *Я принёс тебе веточку кедра, // Что растёт на вершине скалы, // В ней дыханье байкальского ветра, // Запах моря и свежесть смолы.*

В воспоминаниях Леонида Огневского, посвящённых Молчанову-Сибирскому, чувствуется тот самый «сибирский характер», о котором много пишут, говорят и спорят. Огневский адресует нам не просто воспоминания, он передаёт колорит того самого времени, в котором пестовались известные в Сибири таланты. Он как бы проливает на нас тот свет, ту радость общения, которую испытывал и он, встречаясь с дорогим и близким ему человеком.

В книге есть воспоминания и Леонида Кокоулина, который ещё совсем молодым, юным человеком пришёл к Молчанову.

Неоднократно писал о Молчанове-Сибирском и Марк Сергеев. Но особенно хорошо, по-сергеевски мягко и сердечно он написал свои воспоминания: *«Мне всегда казалось знаменательным, что Иван Иванович Молчанов-Сибирский родился первого мая, когда оттаивает Сибирь от зимнего оцепенения, выплёскивая первую зелень, когда гром оркестров и нарядные толпы, движущиеся подобно весенним рекам, зовут тебя из будничности твоей квартиры на простор, когда всё вокруг добром откликается в сердце твоём, радостью первоцвета, пронзительностью неба и взгляда, парадностью марша, торжественностью события. Иван Иванович и был по-майски добр и щедр.*

Уже выросли поколения, которые знают Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского по книгам, по воспоминаниям друзей и товарищей по работе в литературе. Да, вырастают дети, поколение

сменяет поколение – и это неизбежно. Но мы, знавшие Ивана Ивановича живым, не можем представить себе без него ни Иркутска, ни нашей писательской организации, ни собственной судьбы.

Он ремонтировал паровозы, в годы послевоенной разрухи каждый из них был на счету, по-журналистски поддерживал всё новое, доброе, он выступал вдохновенно и безотказно в рабочих общежитиях и воинских частях, в школах и в пионерских лагерях, он весь свой темперамент и щедрое сердце своё отдал без остатка городу, который любил с детства, хотя родился не в Иркутске, а во Владивостоке, в семье военного моряка, баталёра канонерской лодки “Кореец”. Уже в молодости Ивана Ивановича отличает особенное свойство души, исключительное душевное расположение к людям, благожелательность, внимание к заботам близких и малознакомых, соединённых с ярким оптимистическим настроением, которое сохранял он даже в периоды тяжёлых болезней и жизненных неудач, не обходивших его.

К этому следует приплюсовать заботливость, организаторский талант, неуспокоенность сердца. Именно эти качества сделали его одним из выдающихся организаторов литературного процесса в Сибири и особенно в Иркутске. Может быть, одной из главных особенностей тона в разговоре друг с другом, существовавшего в отделении Союза писателей, когда возглавлял его Молчанов-Сибирский, была открытость, желание помочь друг другу даже острым и беспощадным словом. Какие порой разгорались баталии! Как спорили! Как остро и интересно говорили, не опасаясь, что за резкое слово в адрес товарища придётся при случае расплачиваться. И уверенность эта покоилась на том, что и сам Иван Иванович не боялся подставить под бой свои книги, свои рукописи, подавая живой пример другим.

Поднимались на такие кручи,
Где никто ещё не проходил.
Под ногами проплывали тучи,
Друг от бездны друга отводил.
Пот струится. Подниматься тяжело.
И орёл пониже нас парит.
Спутница солдатская – баклажка –
Больше суток без воды гремит.

Кухня батальонная в тумане.
Тянет провод по скале связист.
Русская гармошка на Хингане,
Русский на лафете гармонист.
То она поёт и веселится,
То грустит о чём-то в тишине.
Русская гармошка за границей.
На маньчжурской дальней стороне.

Это написано в сорок пятом... У кого из однопольчан, из тех, кто принимал участие в последнем сражении войны, не вздрогнет сердце, не вспыхнет память, разбуженная этими давними, но вечно живыми строками».

Заметный, яркий след на земле и в сердцах современников оставил поэт и гражданин Иван Иванович Молчанов-Сибирский. Об этом свидетельствуют и его произведения, воспоминания его друзей и коллег по творческому цеху и те, кого он вводил в литературу, кто рядом с ним жил и работал. И удивительно, есть судьбы, как бы повторяющие другие судьбы, не в деталях и особенностях, а в основном, стержневом содержании, что, должно быть, говорит о прочности заложенных традиций, о духовной близости поколений, о зеркальности предопределения, о том, что всё прекрасное на земле имеет и будет иметь продолжение.

Мягкий по характеру, интеллигентный, внимательный, умеющий создать душевную обстановку общения – таким был Иван Иванович Молчанов-Сибирский.

В 60-е годы в прессе и на устах многих звучало выражение «Иркутская стенка». Это молодая группа начинающих писателей – Александр Вампилов, Валентин Распутин, Геннадий Машкин, Глеб Пакулов, Дмитрий Сергеев, Альберт Гурулёв, Евгений Суворов, Владимир Жемчужников, ломая некоторые представления о литературных процессах, вносили в судьбы российской словесности новые освежающие тенденции, веяния, представления.

Но скажем честно – подобное у нас уже было. В 20-е годы, ломая поднадоевшее декадентство и кокетливую вычурность в поэзии, молодые, начинающие литераторы Иркутска – А. Вечерний, А. Оборин, Д. Алтаузен, М. Скурагов, И. Уткин, И. Молчанов – вносили в литературу нового века чистоту и простоту языка, ставили новые задачи и цели перед литературой. Возможно, это была Иркутская стенка номер один. Во всём этом нет никакой фанатичной предопределённости, заданности по круговому движению. Нет, это вечно текущая, обновляющаяся жизнь, это школа, это прочно заложенные традиции, это творческое лицо Иркутска, его литературный бастион, это блистающее зеркало жизни, в которое ещё много лет, всегда, будут всматриваться наши современники и потомки.